

Неподражаемой С. Дж. В.

Глава 1

*13 января 2017 г., пятница
Лондон, 12:30*

Этого не может быть!

Похоже, кто-то въезжает в ее дом.

Неподалеку припаркован фургон, из его квадратной пасти высовывается металлический язык — пандус, по которому сползает мебель. Щурясь от ласкового солнечного света — редкого подарка для этого времени года, Фия наблюдает за тем, как двое мужчин вносят мебель через калитку и идут вниз по дорожке.

Моя калитка. Моя дорожка.

Глупости! Разумеется, это не ее дом. Наверное, к Ризам вселяются, через два дома от нее: осенью они выставили свой участок на продажу, и никто не знает, купили его или нет. Домá по эту сторону Тринити-авеню все построены одинаково: из красного кирпича, в эдвардианском стиле; владельцы единодушно предпочитают красить двери в черный цвет — и все говорят, что здесь легко заблудиться.

Как-то раз Брам возвращался из «Двух пивоваров», куда частенько заходил «про-

пустить стаканчик», и промахнулся дверью. В открытое окно спальни было слышно, как он, пытаясь, пытается вставить ключ в замок дома № 87, где живут Мерль с Эдрианом. Демонстрируя потрясающее упорство, Брам тщетно старался открыть замок в твердой уверенности, что рано или поздно ключ подойдет.

— Так они же все одинаковые! — заявил он утром в свое оправдание.

— Домá, да, но как ты мог не заметить магнолию, даже если был мертвецки пьян! — засмеялась Фия. Это случилось еще в то время, когда его нетрезвые выходки забавляли, а не вызывали грусть — или брезгливость, в зависимости от настроения.

Фия сбивается с шага: магнолия. Их знаменитое дерево, прекрасное и в цвету, и даже без листьев, как сейчас; голые ветви живописно торчат на фоне неба, словно старинная гравировка. Теперь уже не осталось сомнений: фургон стоит перед их домом.

Так, думай! Скорее всего, это доставка для Брама, просто он не успел предупредить. Что поделаться, их новая система общения небезупречна — не все удается учитывать. Фия снова ускоряет шаги, заслоняясь ладонью от солнца; уже можно различить буквы на борту фургона: «Переезд класса «люкс». Значит, все-таки переезд. Наверное, друзья Брама решили закинуть лишнюю мебель по пути. Хорошо бы старое пианино для мальчиков (*только не ударную установку!*).

Нет, постойте... Вот снова появились грузчики, продолжают заносить в дом вещи: кресло, большой металлический поднос, коробка с надписью «Осторожно, стекло!»; узкий шкафчик размером с гроб. Чье это? И тут ее обдает жаркая вол-

на гнева. Ах, вот оно что: Брам пригласил друга! Какого-нибудь неприкаянного алкоголика, которому некуда податься («располагайся, приятель, у нас полно места»). А ей, конечно, ни слова! Вот скотина! Ну уж нет, она не собирается пускаться в дом чужака — и плевать на самаритянские замашки Брама! Дети важнее всего: разве не в этом был смысл всей затеи?

Кажется, в последнее время они об этом забыли. Ну вот, еще немного, почти пришла...

Проходя мимо дома № 87, Фия замечает в окне второго этажа Мерль: та машет рукой с озабоченным видом, привлекая внимание. Фия слегка кивает и заходит в калитку.

— А что здесь происходит?

Ее голос тонет в общем шуме.

— Что вы тут делаете? Где Брам? — повторяет она уже громче.

На пороге возникает какая-то женщина.

— Здравствуйте! Могу я чем-то помочь? — приветливо улыбается она.

Фия отшатывается, словно перед ней призрак. Это и есть «неприкаянный друг» Брама? Знакомый типаж, хоть и помоложе (где-то за тридцать): веселая, энергичная блондинка из тех, что готовы засучить рукава и взять ситуацию под контроль. Как показывает практика, именно такой типаж угнетает свободный дух Брама.

— Надеюсь! Я — Фия, жена Брама. Что здесь происходит? Вы... вы его знакомая?

Женщина подходит ближе — вежливая, сосредоточенная.

— Простите, чья жена?

— Брама. Точнее, бывшая жена.

Фия ловит на себе любопытный взгляд. Женщина предлагает отойти в сторону, чтобы не мешать «ребятам». Мимо проплывает гигантская картина, завернутая в специальную упаковку.

— Что он тут затеял? — спрашивает Фия. — Я совершенно не в курсе!

— Боюсь, я вас не понимаю. — На лбу женщины появляется небольшая складка, в золотисто-карих глазах — искреннее недоумение. — Вы живете по соседству?

— Нет, конечно! — Фия начинает терять терпение. — Я живу здесь!

Складка становится глубже.

— Вряд ли. Мы как раз сюда въезжаем. Скоро подъедет муж со вторым фургоном. Мы — Возны? — представляется незнакомка с вопросительной интонацией, словно Фия о них уже наверняка слышала, и даже протягивает руку. — Я Люси.

Фия отказывается верить своим ушам — они транслируют в мозг какой-то бред.

— Послушайте, я — хозяйка этого дома. Если бы я его сдала, я бы знала!

На лицо Люси наползает розовая краска смущения. Она опускает руку.

— Мы не снимаем, мы его купили.

— Не говорите ерунды!

— Так и есть. — Женщина смотрит на часы. — Официально мы вступили во владение в двенадцать; правда, агент отдал нам ключи чуть пораньше.

— Какой еще агент? Я не давала ключей никакому агенту!

10 Фию раздражают противоречивые чувства: страх, отчаяние, злость, это даже смешно —

шутка же, ясное дело, хоть и вселенского масштаба. Что еще?

— Это что, розыгрыш? — Она заглядывает женщине через плечо: где-то прячется камера или ее записывают на мобильник? Однако вокруг никого, только громоздкие ящики проплывают мимо. — Знаете, уже не смешно. Скажите им, чтобы остановились.

— Даже не собираюсь, — твердо парирует Люси Возн — совсем как Фия в обычной жизни, когда ее не шокируют чем-то вроде этого. Люси досадливо кривит губы, и тут ее осеняет: — Погодите... Как вы сказали — Фия? А полное имя — Фиона?

— Да, Фиона Лоусон.

— А, так вы, наверное... — Люси умолкает, заметив вопросительные взгляды грузчиков, и понижает голос: — Давайте лучше зайдём внутрь.

И Фиону приглашают в ее собственный дом как гостью. Она входит в широкий холл с высоким потолком и замирает. Это не ее дом. Размеры совпадают, та же серебристо-голубая краска на стенах, и лестница на месте. Но вещи, мебель! Ничего не осталось, все разграбили, вынесли до последней нитки! Консольный столик, антикварная скамья, горы обуви и сумок, картины на стенах... А ее любимое палисандровое зеркало, унаследованное от бабушки!.. Фия дотрагивается до стены, словно надеется, что зеркало где-то здесь, под слоем штукатурки.

— Куда вы дели все наши вещи? — почти кричит она.

Проходящий мимо грузчик бросает на нее укоризненный взгляд, будто Фия создает угрозу для окружающих.

— Никуда не девала, — отвечает Люси. — Вы сами их вывезли. Вчера, я полагаю.

— Ничего я не вывозила! — Фия проталкивается мимо нее. — Мне нужно проверить, что там наверху.

— Ну... — начинает Люси.

Нет, милая, это не просьба. Фие вовсе не требуется разрешение — она у себя дома.

Перескакивая через две ступеньки, Фия бежит наверх. Останавливается на площадке и стоит, вцепившись в изгиб перил цвета красного дерева, словно боится, что дом вот-вот закачается. Надо убедиться, что она не сошла с ума, что это и вправду ее дом.

Так, все двери на месте, ведут куда следует: две ванны посередине, две спальни слева, две справа. Фия отпускает перила и обходит каждую комнату в надежде, что вещи на месте, там же, где и всегда.

Пусто.

Исчезло все нажитое, ни следа — разве что вмятины на ковре, там, где еще сутки назад стояли кровати и шкафы. Вот ярко-зеленое пятно в комнате одного из мальчиков — кто-то расшалился на день рождения, кидаясь шариками со слизью. В душевой кабине на полке остался тюбик геля с чайным маслом — Фия помнит, как покупала его в «Сэйнсбериз». Пальцы нащупывают трещину на плитке, за кранами, — она появилась недавно, причину так и не установили. Фия жмет на нее до боли, убеждаясь, что все еще состоит из плоти и крови, а нервные окончания функционируют.

Повсюду резкий лимонный запах чистящих средств.

Фия спускается вниз. Непонятно, откуда возникла боль: то ли изнутри, то ли ее излучают

12   ют стены опустевшего дома.

При ее появлении Люси прерывает совещание с двумя грузчиками. Судя по всему, она отвергла их предложение помочь разобраться с незваной гостьей.

— Миссис Лоусон? Фиона?

— Невероятно... — шепчет Фия. Иначе не скажешь — лишь неверие в происходящее удерживает ее от истерики. — Я не понимаю... Объясните же наконец, что здесь творится?!

— Так я и пытаюсь. Хотите, предъявлю доказательства? — говорит Люси. — Пойдемте на кухню, мы загораживаем проход.

Кухню тоже обобрали начисто. Незнакомый стол, стулья и коробка с чайными принадлежностями. Люси деликатно закрывает дверь, чтобы не травмировать гостью продолжающимся вторжением.

Гостью.

— Вот, смотрите. — Люси протягивает ей телефон. — Письма от нашего поверенного, Эммы Гилкрист из фирмы «Беннет, Стаффорд энд Ко».

Фия берет телефон и пытается сконцентрироваться. Первое письмо, отправленное неделю назад, подтверждает заключение договора между Дэвидом и Люси Воэн с одной стороны и Абрахамом и Фионой Лоусон — с другой. Второе пришло этим утром: сделка завершена.

— Вы зовете мужа Брамом? Вот почему я не сразу сообразила. Конечно, Брам — сокращенное от Абрахам! — В руках Люси держит бумажный листок: счет за газ, адресованный Воэнам на Тринити-авеню. — Мы попросили, чтобы нам присылали счета по электронной почте, а они почему-то кинули в ящик.

Фия возвращает ей телефон.

— Все это ничего не значит. Письма могут быть поддельными — какой-нибудь фишинг*.

— Фишинг?

— Да! У нас тут недавно была похожая история. Приезжала полиция, собрали всех соседей, целую лекцию нам прочли. Поддельные письма и счета выглядят очень убедительно, даже эксперты порой не отличают!

Люси раздраженно скривила губы.

— Поверьте, письма настоящие. Все настоящее. Деньги уже должны были перевести на ваш счет.

— Какие деньги?

— Те, что мы заплатили за дом! Извините, мисс Лоусон, но я устала повторять одно и то же.

— А я вас и не просила! — огрызается Фия. — Тут какая-то ошибка, вот и все! Невозможно купить дом, который не был выставлен на продажу!

— Разумеется, был — иначе мы бы его не купили!

Фия ошарашенно смотрит на Люси. Что она говорит, что она делает? Все это какой-то бред сумасшедшего! И все-таки Люси не похожа на чокнутую. Наоборот, эта женщина убеждена, что сама разговаривает с ненормальной.

— По-моему, вам стоит позвонить мужу, — отвечает Люси.

Женева, 13:30

Он лежит на кровати, руки и ноги слегка подергиваются. В номере хороший матрас: специально создан, чтобы поглощать шум, бессонницу,

---

* Ф и ш и н г — разновидность интернет-мошенничества, незаконное получение конфиденциальных данных.

страсть, самые глубокие кошмары — только с нервным возбуждением не справляется. И две таблетки антидепрессантов не помогли. Может, это самолеты действуют ему на нервы своим безжалостным ревом? Носятся туда-сюда, один за другим, стонут под собственным весом...

Да нет, все дело в нем, в его поступке. Надвигается тихое, ужасное осознание того, чем он пожертвовал.

Все, назад пути нет. Пробили швейцарские часы. Полвторого здесь, полпервого в Лондоне. Свершилось то, к чему он мысленно готовился неделями: теперь он уже действительно беглец, а не только в своем сознании; человек, брошенный на произвол судьбы своею же рукой. Только сейчас он начинает понимать, что надеялся испытать нечто вроде мрачного облегчения, но теперь, когда момент настал, осталась лишь гнетущая пустота, а с ней — мутная смесь эмоций, с которыми он выехал из дома рано утром: унылая обреченность, перемешанная с жадой выжить, как ни странно.

О господи! Фия...

Уже знает? Наверняка кто-нибудь увидел, соседи позвонили и сообщили новости. Может, сейчас она уже на полпути к дому.

Он кое-как приподнимается, опираясь затылком о спинку кровати, и пытается сфокусироваться. Красная кожа кресла, черный шпон стола... Эстетика восьмидесятых действует на нервы. Он спускает ноги с кровати. Босые ступни нащупывают теплый пол: кажется, винил или что-то подобное. Фия бы сразу определила, у нее страсть к дизайну интерьера.

При мысли о Фии его пронзает боль, становится трудно дышать. Он поднимается и оглядывается в тщетных поисках свежего воздуха. Номер расположен на пятом этаже, здесь царит жуткая духота — отопление так и шпарит, а окна за многослойными шторами закрыты наглухо. Между отелем и зданием аэропорта снуют машины белые, черные, серебристые; поодаль белоснежные пики гор, отливающие голубоватым с зеленью, надежно отделяют и укрывают от внешнего мира. Чувствуя себя в западне, он снова оглядывает комнату. На ум почему-то приходит отец. Пальцы тянутся к креслу, хватаются за спинку. Он не помнит, как называется отель: выбрал ближайший к аэропорту. Да и неважно; здесь так уныло и бездушно — место как раз для него, заслужил.

Потому что продал свою душу. Да, именно так, продал свою душу.

Но еще не успел забыть, каково это — ее иметь.

Глава 2

Март 2017-го

Добро пожаловать на сайт, посвященный знаменитому криминальному подкасту «Жертва», победителю зрительского голосования в категории «Документальные подкасты»! В каждом эпизоде вы узнаете о настоящем преступлении прямо со слов жертвы. Наш подкаст не является расследованием — скорее пристальный взгляд изнутри на страдания невинного человека. Сталкинг, кража личности, семейное насилие, мошенничество! Мы приглашаем

вас окунуться в леденящие душу и весьма поучительные для современного человека истории!

Вашему вниманию предлагается свежий эпизод: «Рассказ Фии». Вы можете прослушать запись прямо здесь либо воспользоваться одним из многочисленных приложений для подкастов. Не забудьте поделиться своим мнением в «Твиттере» с хэштегом #жертвафия.

Внимание: содержит оскорбительные выражения.

Сезон 2, эпизод 3: «Рассказ Фии» > 00:00:00

Меня зовут Фиона Лоусон, мне сорок два года. К сожалению, не могу назвать свой адрес — разве что прежний, — так как полтора месяца назад мой муж продал наш дом без моего ведома и согласия. Да, я в курсе: нужно говорить заявляю, еще в самом начале... Ну тогда так: заявляю, что все сказанное мною в этом интервью — чистая правда. В конце концов, юридические документы не врут, не так ли? И эксперты уже подтвердили подлинность его подписи. Детали преступления пока не ясны — как и личность сообщницы, — но я все еще пытаюсь смириться с главным фактом: у меня больше нет дома.

У меня больше нет дома!

Конечно, вы послушаете и сразу скажете: сама виновата! Так всегда говорят, я знаю. Станете вовсю обсуждать в «Твиттере», какая я тупая. Нет, я все понимаю. Я прослушала первый сезон и сама так думала. Между жертвой и дураком очень тонкая грань...

«Не переживайте, миссис Лоусон, это могло случиться с каждым», — утешала меня женщина-полицейский в тот день. А что еще

она могла сказать: я безостановочно рыдала, а чашка чая не спасала ситуацию (разве что морфий...).

Не-ет, такое могло случиться только со мной, всепрощающей идеалисткой. Думала, что смогу изменить человеческую натуру, сделать из слабого сильного... Бла-бла-бла.

Почему я решила принять участие в этом подкасте? Всякий, кто знает меня, скажет вам, что я человек очень закрытый. Так зачем же выставлять себя на посмешище? Отчасти я хочу предостеречь людей об опасности. В последнее время мошенничество с недвижимостью приобретает невиданный размах: каждый день в газетах печатают жуткие истории, а полиция и юристы не успевают за современными технологиями. Домовладельцам не следует терять бдительность: «профессионалы» на все способны — да и любители тоже, как выяснилось.

Кроме того, сейчас ведется расследование. Может, кто-нибудь услышит мой рассказ, вспомнит что-то важное, относящееся к делу, и свяжется с полицией. Иногда и сам не знаешь, что относится к делу, пока не выяснишь всех обстоятельств. Вот почему полиция не возражает против моей откровенности. Или, точнее сказать, не запрещает. Как вы, наверное, знаете, меня нельзя принудить давать показания против мужа — брачная привилегия (какая ирония!). Мы все еще женаты, хотя я считаю его бывшим с тех самых пор, как вышвырнула вон. Конечно, я могу дать показания и по своей воле. В общем, «будем решать по ходу дела» — так выразилась мой адвокат.

Честно говоря, мне кажется, она уже поняла, что никакого суда не будет. У него наверняка новые документы, новый дом, новая жизнь — все ку-

Адвокат утверждает, что в наши дни люди все более изобретательно обманывают друг друга.

В том числе мужа и жены.

Кстати...

Говорят, есть шанс, что он меня услышит, и это подтолкнет его выйти на связь. Ну так вот что я вам скажу — нет, ему скажу, и мне наплевать, как это расценит полиция: «Даже не вздумай возвращаться, Брам. Клянусь, я убью тебя!»

#жертвафия

@rachelb72 А где муж-то? Сбежал, что ли?

@patharrisonuk @rachelb72 Слил вместе с бабками. Интересно, сколько стоил дом?

@Tilly-McGovern @rachelb72 @patharrisonuk Так это был ее МУЖ?! Вау! Куда катится мир...

Брам Лоусон – выдержки из файла Word, отправленного по электронной почте из Лиона, Франция, в марте 2017-го

Во избежание всяких сомнений заявляю сразу: это прощальная записка. К тому времени, как вы ее прочтете, меня уже не будет в живых. Пожалуйста, сообщите новость как можно деликатнее. Хотя я и чудовище, но все-таки отец; у меня двое детей, которым будет меня не хватать. Пусть их воспоминания обо мне будут добрыми.

А может, и у их матери, женщины одной на миллион, жизнь которой из-за меня превратилась в кошмар.

И которую я, между прочим, до сих пор люблю.

Глава 3

«Рассказ Фиш» > 00:03:10

Хотя ситуация сложилась катастрофическая, в каком-то смысле даже логично, что все закончилось именно так. Дом всегда был центром нашей вселенной. Наш брак, наша семья, наша жизнь — все это имело смысл лишь дома. Заберите нас отсюда — даже на выходные, которые мы себе позволяли, пока дети были маленькими, а мы хронически не высыпались, — и узы тут же слабеют. Дом укрывал и защищал нас, но при этом устанавливал границы, помогая держаться вместе.

Опять же, будем откровенны — это Лондон. За последние годы дом поднялся в цене куда больше, чем зарабатывали мы с Брамом. Он был нашим кормильцем, нашим покровителем. Друзья и соседи чувствовали то же самое: словно у нас забрали внутреннюю силу и вложили в цемент и кирпичи. Отложенные деньги шли не в пенсионный фонд или на частное образование, не в бракоспасительные уикэнды в Париже, а в дом. Окупится, говорили мы друг другу. Тут большого ума не надо, чтобы это понимать.

Кстати, совсем забыла! В тот день — в тот кошмарный день, — когда я пришла домой и обнаружила там Вознов, Мерль задала им вопрос, который мне и в голову не приходил: сколько вы заплатили?

И хотя мой брак, моя семья, моя жизнь были уничтожены словно ядерным взрывом, я все же притихла посреди рыданий, чтобы услышать ответ:

— Два миллиона, — сообщила Люси Возн прерывистым шепотом.

Он стоил большего, подумала я.

20 Мы стоили большего.

* * *

Мы купили его за четверть этой суммы, чего, однако, было достаточно, чтобы не спать по ночам. Как только я впервые увидела дом номер девяносто один на Тринити-авеню, то поняла — хочу страдать бессонницей именно здесь и нигде больше. Буржуазная респектабельность фасада из красного кирпича, белый орнамент окон, увитый глицинией кованный балкон над дверью... Одновременно впечатляющий и доступный, солидный и романтический. Не говоря уже о соседях, имевших схожие чувства. Мы долго искали и наконец нашли это чудесное место; пожертвовали близостью к метро ради спокойной атмосферы пригорода, ради воздуха, сладкого, как рахат-лукум.

Внутри — другое дело. Как вспомню, сколько пришлось переделать, сколько энергии высосал из нас дом (а денег!), то даже не верится, что мы вообще его купили. Переделали кухню, перекрасили ванны, перепланировали сад (спереди и сзади), перестроили гардероб в прихожей, перестелили пол... Когда «пере-» иссякли, на нас полились «новые»: новые балконные двери из кухни в сад, новые окна, новые кухонные шкафчики и рабочая поверхность, новые встроенные шкафы в спальнях мальчиков, новая матовая перегородка в обеденной зоне, новая ограда и калитка, новый домик для игр и горка на заднем дворе... Так он и длился без конца, этот вечный ремонт, а мы с Брамом (по большей части я) выступали в роли директоров благотворительной организации: распланировать годовой бюджет, убить все сво-

бодное время на поиск выгодных цен, вызвать мастеров и проследить за выполнением работ, найти арматуру и фурнитуру, а к ним — инструменты, курировать цвета и материалы. Знаете, что самое печальное? Ни разу я не сказала себе: «Ну все, готово!» Образ идеального дома ускользал от меня, как негодяй в старинном романе.

Конечно, если б можно было повернуть время вспять, я бы, наверное, и не прикоснулась к дому, а сосредоточилась бы на людях. Я бы их *перепрограммировала*, пока они не разрушили сами себя.

#жертвафия

@ash_buckley Ничего себе, как дешево стоили дома!

@loumacintyre78 @ash_buckley Дешево? 500 000? Только не для Престона. Знаете, за Лондоном тоже есть жизнь!

@richieschambers «Курировать цвета»? Она это серьезно?

* * *

Прежние владельцы — пожилая пара, какой я представляла себе нас в старости. Сравнительно успешные в своей преподавательской карьере, они купили дом еще в те времена, когда не требовалось работать в корпоративной структуре (или в банковской, как Воэны), чтобы позволить себе приличное жилье. Детей давно вырастили, и теперь хотят глотнуть свободы — собираются путешествовать. Я представляла их такими современными кочевниками, пересекающими пустыню при свете звезд.

— Тяжело, наверное, прощаться с таким домом, — заметила я, когда мы с Брамом возвращались от них: заезжали измерить окна для занавесок и остались на бутылочку-другую вина. Брам наверняка превысил скорость, да еще сел за руль нетрезвый, однако меня это не беспокоило: у нас тогда не было детей, мы рисковали только собственными жизнями. — У них был какой-то грустный вид.

— Грустный? Да они плакали всю дорогу до банка, — ответил Брам.

Брам, выдержки из файла Word

Как же я дошел до такой жизни? До точки невозврата? Поверьте, для всех было бы лучше, если бы это случилось гораздо раньше. Даже короткая версия растянется на целый том (ну ладно, признаю — это не совсем «записка»; скорее чистосердечное признание).

Прежде чем я начну, позвольте спросить: а может, дело в доме? Его прокляли, и теперь он топит всех, кто был на борту?

Понимаете, та пара, у которой мы купили дом, — они ведь тоже разводились. Мне проболтался риелтор, когда мы на обратном пути заскочили в «Двух пивоваров». («Не хотите заглянуть в местный паб?») — предложил он. Меня не пришлось долго уговаривать).

— Конечно, такое потенциальным покупателям не разбалтывают. Кому охота знать, что они въезжают в дом, где распался брак?

— Хм-м-м...

Я взял кружку и поднес ко рту — жест, который я повторял с тех пор тысячи раз.

Светлый эль оказался вполне приличным, да и атмосфера мне понравилась: такая, знаете, в лучших традициях; заведение еще не скатилось до гастробаба, как большинство пивных в округе.

— Вы даже не представляете, как часто разводятся пары, у которых дети выросли, — продолжал риелтор. — Отправили младшенького в университет, появилось свободное время, огляделись — тут-то и выяснилось, что вас давно тошнит друг от друга.

— Правда? — удивился я. — А я думал — только поколение наших родителей терпит друг друга ради детей.

— Не тот случай. Тут надо понимать специфику района и его жителей... Такое встречается гораздо чаще, чем кажется.

— Ну, подумаешь, развод! Могло быть и хуже: например, в канаве нашли расчлененное тело...

— Такого я бы вам точно не разболтал, — ухмыльнулся риелтор.

Я не стал ничего рассказывать Фие. У нее было свое романтическое представление об этой паре: дескать, сейчас возьмут накопленные пенсии и поедут на верблюдах через пустыню, как Лоуренс Аравийский. Или полетят на воздушном шаре над Везувием, и все в таком роде. Как будто им не хватило сорока лет учительских отпусков, чтобы объехать весь мир!

К тому времени мы пересмотрели кучу домов, и мне совсем не хотелось, чтобы она передумала насчет первого подходящего из-за «грустного вида» хозяев. Как будто это инфекция такая, вроде туберкулеза или ветрянки.

Понимала ли я, что дом растет в цене? Разумеется! Мы не вылезали с сайтов недвижимости. Только я вовсе не собиралась его продавать. Наоборот, я надеялась сохранить дом для семьи Лоусон, подобрать какую-нибудь выгодную налоговую схему, чтобы мои внуки спали на тех же подушках возле тех же окон, что и мои сыновья.

— И как ты себе это представляешь? — спросила Мерль (моя подруга, живет через пару домов от моего — бывшего то есть, никак не привыкну). — Потвоуму, их жены захотят жить в одном доме?

В будущем, разумеется, все решения принимают женщины. На Тринити-авеню всегда царил матриархат.

— Ну, я пока еще не продумала детали. Пусть у меня будет маленький воздушный замок... Что тебе, жалко?

— Боюсь, таким он и останется... — Мерль улыбнулась своей улыбкой «для избранных». Из всех женщин нашего круга она меньше остальных заботилась о внешности — маленькая, подвижная, темноглазая, временами растрепанная — и, конечно же, выглядела лучше всех. — Ты прекрасно знаешь: рано или поздно придется все распродать, чтобы оплатить место в доме престарелых и лечение деменции.

Половина женщин нашей улицы считают, что у них деменция. На самом деле они просто выматывались; максимум, страдают от тревожного расстройства. Наверное, поэтому нас с Мерль, Элисон и Кирсти тянет друг к другу: мы не подвержены неврозу. Мы сохраняем спокойствие и продолжаем жить дальше).

Вот я слушаю себя сейчас... «Не подвержены неврозу» — да, конечно! А развал семьи? Предательство? Мошенничество? Кем я себя возомнила?

Вы, наверное, уже и так поняли. Я знаю, меня все осуждают. Поверьте, я и сама себя осуждаю, но раз уж решилась на это, буду честной до конца.

#жертвафия

@PeteYIngram Имхо, нельзя сравнивать потерю шикарного дома с настоящими преступлениями.

@IsabelRickey101 @PeteYIngram Чего?! Она стала бездомной!

@PeteYIngram @IsabelRickey101 Так ведь не на улице живет. К тому же у нее есть работа.

* * *

Чем я зарабатываю на жизнь? Четыре дня в неделю работаю бухгалтером в компании по производству товаров для дома. В последнее время мы выпустили новую линию экологически чистых ковров, а также несколько предметов интерьера от итальянских стеклодувов.

Замечательная компания с целостным духом и прогрессивным мышлением: они предложили мне работать неполное время, чтобы я успевала заниматься детьми, представляете? И это розничная торговля! Они подхватили инициативу Евросоюза по поддержке работающих матерей, а я оказалась в нужном месте в нужное время. Сами понимаете, в таких случаях надо хвататься за шанс обеими руками.

26 Да, я могла бы зарабатывать больше в какой-нибудь крупной бездушной корпорации, но

я всегда предпочитала зарплате разумный баланс работы и личной жизни. Некоторые не хотят жертвовать всем ради работы, правда же? Я знаю, это клише, и все же люблю иметь дело с товарами ручной работы, наполняющими дом уютом, — даже если у меня больше нет дома.

Брам, выдержки из файла Word

Последние десять лет я работал региональным менеджером по продажам в компании, производящей ортопедические товары. Приходилось много разъезжать, особенно поначалу. Я продавал разные фиксаторы — коленные, локтевые, и не только, — подушки для шеи, бандажи. Да какая, собственно, разница? С таким же успехом это могли быть шины, скрепки, собачий корм, солнечные панели.

Бессмысленно тогда, бессмысленно и сейчас.

Глава 4

«Рассказ Фиш» > 00:10:42

Да, мы с Брамом расстались прошлым летом. Сказать, почему? Не вопрос! Сейчас все расскажу: почему, когда — с точностью до минуты. Четырнадцатого июля в восемь тридцать вечера я застучала Брама с другой женщиной: они трахались в игровом домике в конце сада.

Нашли место! Милый, уединенный уголок, залитый солнцем оазис — гортензии, фуксии, розы; неровный прямоугольник лужайки, полосатые футбольные ворота — свидетель многих пельменей... Детский домик...

Почти так же непростительно, как и сам акт.

По плану я должна была задержаться на работе (намечалось мероприятие), а Брам сидел с детьми, однако мероприятие отменилось, но я не стала звонить: решила сделать сюрприз. Ну, вы знаете эту фишку: заявляешься как раз к вечерней сказке, и детские личики сияют от радости. «Мамочка пришла!» Получить свою долю признательности за то, что обычно воспринимается как должное. Ну ладно, ладно — еще я хотела проверить, придерживается ли Брам заведенного распорядка, и то лишь потому, что надеялась в этом убедиться.

Конечно, он скажет, что на самом деле я хотела его поймать. Теперь уже и я задумалась: а нет ли в этом предположении хоть капли правды? Может, он грешил потому, что от него этого ждали? Может, я сама накликала беду?

(Порой жертв тянет винить самих себя — думаю, вы в курсе).

Ну, не суть...

В общем, когда я вошла, в доме было тихо — дети уже легли спать (в который раз случился сбой в расписании электричек, и я все-таки пропустила вечернюю сказку). Я решила, что Брам наверху — задремал, читая детям на ночь (в нашем районе такое не редкость: отец семейства, убаюканный собственным голосом и параллельными мыслями о работе). Я на цыпочках поднялась наверх: мальчишки спали — каждый в своей комнате, шторы задернуты, на голубых тумбочках мерцают ночники. Все в порядке, как и должно быть — только отца нигде нет.

— Брам? — прошептала я в темноту.

28   Переходя из комнаты в комнату, я чувствовала нарастающее раздражение, переходящее

в праведный гнев. Нет, вы только подумайте! Свалил! Оставил детей семи и восьми лет без присмотра! Наверняка отправился в супермаркет за какой-нибудь гадостью из кулинарии или решил по-быстрому заскочить в «Два пивовара»... Так, стоп! Будь к нему справедлива: Брам — потрясающий отец, он никогда себе такого не позволял. Наверное, забыл телефон в машине и выскочил за ним. Нам редко удается поставить машину возле дома: все из-за близости к супермаркету; к тому же у многих на нашей улице минимум по два авто, так что иногда приходится парковаться чуть ли не за перекрестком с Уиндэм-Гарденс. Наверное, мы с ним разминулись буквально на несколько секунд. Сейчас войдет, швырнет ключи в чашку на тумбочке у двери и скажет: «А если бы мы сделали парковку перед домом вместо сада, то не было бы столько мороки!»

Однако Брам этого не сказал, потому что не вошел. Значит, если бы мероприятие не отменили, дети остались бы одни, без присмотра взрослых.

Конечно, за него я тоже беспокоилась, хотя и недолго: на кухонном столе обнаружилась открытая бутылка белого вина. Судя по конденсату, ее недавно вытащили из холодильника. Если Брама и украли инопланетяне, то вместе с бокалом «сансера».

Кухонная дверь оказалась незаперта. Я вышла во двор. Погода стояла безветренная, все вокруг переливалось зеленым, розовым, золотым. В саду никого не было, однако повинуюсь какой-то смутной тревоге, я отправилась в дальний конец, к игровому домику. Его поставили несколько месяцев назад: хорошенький, с лесенкой на крышу и горкой, извивающейся вдоль стены (Брам лич-

но собирал). Дверь, обычно распахнутая настежь, оказалась закрыта.

С улицы доносились привычные вечерние звуки: мужья и жены звали друг друга за стол, детям «в последний раз!» велели отправляться спать; кошки, собаки, лисы и птицы нервно реагировали на присутствие друг друга. Я не стала вносить лепту в общий хор и звать Брама, потому что теперь уже точно знала: он в домике.

Перешагнув через основание горки, я подошла к окну. Что я ожидала там увидеть? Наркотики? Экран ноутбука с жуткими картинками? Честно говоря, я подозревала, что Брам втихаря покуривает, и уже готовилась бесшумно отступить. Бывают преступления и похуже; в конце концов, я ему не врач.

Очертания были слишком смутными, зато ясность внес ритм движений, банальный до невозможности: мужчина и женщина занимаются сексом. Женатый мужчина и его любовница трахаются, как обезумевшие кролики, потому что время поджимает. Да, жены целый вечер не будет дома, но ведь дети остались без присмотра! Нельзя допустить, чтобы они проснулись и испугались, а наутро рассказали мамочке, перебивая друг друга в попытке усилить драму: «Представляешь, дома никого не было, ну совсем никого! Мы думали — папу убили!»

В животе противно засосало. Неожиданно нахлынуло ощущение полной власти. Распахнуть дверь, как он того заслуживал, или отползти и затаиться на время? (Для чего? Посмотреть, не повторится ли это снова? И так уже понятно...) Тут я случайно увидела его лицо, искаженное тошнотворной

30 гримасой животного удовольствия, и поняла — выбора нет. Я толкнула дверь, и они

дернулись, как напуганные лошади. Бокал с вином, стоящий на полу, дрогнул, но устоял.

— Фия! — ошарашенно выдохнул Брам.

Знаете, где-то год назад я случайно услышала, как Полли, моя сестра, обсуждала меня со своей подругой:

— Вот вроде нормальная, умная женщина, а как дело доходит до Брама, у нее словно шоры опускаются. Она простит ему что угодно...

Мне захотелось ворваться и крикнуть:

— Один раз, Полли! Это было всего один раз!

Ну вот, теперь уже два. И знаете, я испытала такое мощное облегчение, практически удовольствие! Честное слово.

— Брам, — ответила я.

Брам, выдержки из файла Word

Пожалуй, начну с той истории в домике — на-верняка Фия тоже с нее начнет, хотя на самом деле это отвлекающий маневр, точно вам говорю. Официально принято считать, что все закончилось именно тогда — наше «убийство эрцгерцога Фердинанда», так что эпизод получил свое место в истории, признаю.

Фамилия моей партнерши по преступлению не играет никакой роли. Вряд ли ее муж в курсе, так что назову ее Констанс в честь леди Чаттерли (надеюсь, вы позволите мне эту маленькую шутку. И нет, я не люблю классику — фильм смотрел один раз, Фия выбирала).

— Вот, решила заглянуть, — сказала она в тот вечер, стоя на пороге, и вид у нее был явно «предлагающий». Кажется, она изрядно

поднабралась. А может, ее пьянило возбуждение быть инициатором — тот еще афродизиак, известный мужчинам испокон веков. — Ты обещал показать мне игровой домик, помнишь?

— Разве? Да там и посмотреть-то нечего, — улыбнулся я.

Она помахала айфоном.

— Можно я сфотографирую и покажу своему плотнику?

— Ах, плотнику? — поддразнил я. — Да пожалуйста, только они продаются готовые, в упаковке. Я лишь собрал и пристроил горку.

— Так ведь горка — самое интересное! — воскликнула она. — Может, я попробую скатиться, если задница не застрянет.

Если это не приглашение взглянуть, то что тогда?

На ней было белое хлопковое платье с буфами, с поясом под грудью; ткань такая легкая, что цеплялась за бедра с каждым шагом.

— Как насчет бокала вина? — спросила она, заходя в кухню.

Считается, что в момент возбуждения мужчина опускается до уровня примитивного млекопитающего — проще говоря, мозги отключаются. Так вот, это неправда. Скорее идет постепенное ослабление. Сперва взгляд фиксирует задирающееся платье («Даже не думай! Ни за что!»). Потом я открываю бутылку вина («А, все равно бы сломался рано или поздно») и вот уже веду ее по садовой дорожке («Ну хотя бы не здесь — дети же рядом!») И наконец: «Ну ладно, один разок — и больше никогда!»

К тому времени мы уже вошли внутрь, дверь закрылась, и она прижалась ко мне разгоряченным телом; волосы ее были влажными,

щеки разрумянились... Понимаете, все дело в этом жаре. Не в мягкости, не в упругости, не в запахе пота, «Шанели» или вина... Тебя тянет к горячей коже, под которой пульсирует кровь, и твое тело отвечает, словно притянутое магнитом.

И ты чувствуешь, что оно того стоит.

Стоит всего, что ты имеешь, всего, что любишь...

Ну ладно, пожалуй, и вправду мозги отключаются.

«Рассказ Фиш» > 00:17:36

Нет, я не скажу, как ее зовут, — надо же щадить чувства других, правда? Публичное полоскание грязного белья редко приносит вред одному человеку, ведь у людей есть семьи, любимые — они тоже попадают под перекрестный огонь. Да и потом, какая, собственно, разница? Даже если бы она была в маске, я бы чувствовала то же самое, вот в чем беда.

Ей я не сказала ни слова — просто развернулась и ушла, пока они неловко поднимались на ноги.

В гостиной я включила телевизор, чтобы не слушать прощальный виноватый шепот, однако тут же выключила, едва захлопнулась входная дверь.

Брам начал говорить еще за дверью:

— Фиш, я не...

Я обернулась, готовая к разговору.

— Не трать время зря: я знаю все, что ты хочешь сказать, и мне это не интересно. Все кончено. Уходи, пожалуйста.

— Что?..

Брам застыл в дверном проеме, придумывая, как бы отшутиться. Волосы взъерошенные, влажные на висках, лицо все еще разгоря-

ченное, во взгляде бравада пополам со страхом. Есть некая беззащитность в людях, которых прервали во время секса.

— Я хочу развестись. Наш брак окончен.

По его лицу было видно, что он растерялся: мой холодный уверенный тон действовал на нервы куда сильнее, чем ожидаемая истерика.

— Ты думала, что я бросил мальчиков, да?

Я знаю Брама как облупленного. Это у него прием такой: вместо оправданий попытаться «сбить прицел» в сторону, тем самым умаляя основную вину.

— Ты правда думала, что я уйду и брошу их одних?

Банально, даже по его стандартам: дескать, я несправедливо подозреваю отца в небрежном отношении к детям.

— Ты действительно вышел из дома, — заметила я.

— Так я же был рядом!

— Да, разумеется. И правда, совсем никакой разницы: пошел мусор выносить или, скажем, цветочки полить...

Он поднял брови, давая понять, что сарказм здесь неуместен, как будто у него имелось на это моральное право, а пальцы рассеянно потянулись к губам, как и всякий раз, когда он нервничал.

— Поезжай к маме, — холодно велела я. — Завтра договоримся о том, когда ты будешь навещать мальчиков на каникулах.

— Навещать? — опешил Брам.

Видимо, рассчитывал, что изгнание — временная мера, вроде отсидки на скамье штрафников.

— Если хочешь, я возьму детей и уеду к маме с папой, но согласишься, для них будет лучше

34   остаться здесь.

— Да... Да, конечно...

Сообразив, что сопротивление бесполезно и сейчас разумнее подыграть, Брам поспешил наверх за вещами. На какое-то время воцарилась тишина: должно быть, заглянул к мальчикам. При мысли об этом заныло в груди.

— Фия?

Брам снова возник в дверном проеме с сумкой в руках. Я не обернулась.

— Извини, мне не интересно.

— Ну пожалуйста, выслушай меня!

Я вздохнула и встретилась с ним взглядом. Ну что он может сказать? Гипнотическое заклинание, стирающее мою память?

— Может, я плохой муж, но не отец. Я сделаю все, чтобы детям было хорошо, чтобы я мог их видеть...

Я кивнула. Надо признаться, его слова не оставили меня равнодушной.

И он ушел с видом человека, который наконец заметил, что земля уходит из-под ног.

#жертвафия

@Emmashannock72 Если бы мой муж такое сотворил, я бы его кастрировала, на...!

@crime_addict Засудить его надо было, без штанов оставить!

Глава 5

«Рассказ Фиш» > 00:21:25

Да, вы не ослышались: Брам изменил мне дважды.

Нет, мы вовсе не были несчастны в браке — поверьте, это не так. Клянусь, многие

годы все шло хорошо. В самом начале мы буквально не разлучались; без этого вот, знаете, «присмотреться, обдумать все как следует»... Конечно, нас тянуло друг к другу не только физически: каждый из нас искренне восхищался иной формой жизни. Я была уверенной в себе тихоней, а Брам, наоборот, — шумный для всего мира, а внутри какой-то... потерянный, я бы даже сказала — пустой. Наверное, мне хотелось наполнить его смыслом. Когда мы поженились, я не сомневалась, что совершила невозможное: создала семью с убежденным холостяком (понятное дело, встреча со мной изменила его убеждения).

Ну да, потом я ослабила внимание: сперва пришлось вкладываться в дом, затем дети пошли — но ведь все так живут! Посмотреть на соседей — всякое бывает, постепенно привыкаешь относиться к этому философски.

В общем, несколько лет назад на корпоративном мероприятии Брам переспал с коллегой. Ночевка в отеле, бесплатный бар, настроение в духе «один раз живем» — стандартный набор. Я видела эсэмэски от нее, так что даже Брам не мог отрицать, хотя обычно он умеет выкручиваться на ходу.

Я тогда сидела дома с мальчиками. Им было четыре и пять — можете себе представить (пусть даже без рабочей нагрузки и прочих факторов)! Конечно, это было мерзкое предательство — и все же мерзкое в привычном, «классическом» понимании. Как ни крути, есть некоторое утешение в том, что и другие через это прошли и чувствовали ту же боль.

— Только никому не рассказывай! — учила меня Элисон, когда я призналась ей и Мерль, что решила простить Брама (не совсем вер-

ное слово, но пусть будет, простоты ради). — Это изменит отношение людей к тебе, а не к нему.

Не самый плохой совет: когда я поделилась своей бедой с Полли, то сразу поняла, что совершила ошибку. Брам ей с самого начала не нравился, и теперь у нее появилось доказательство в пользу своей интуиции, причем непростительное (то, что я все-таки простила). И в точности как предсказывала Элисон, Полли тут же обвинила меня:

— А чего ты хотела? Нельзя жить с таким... ну, ты понимаешь, и ожидать, что на него никто не будет обращать внимания.

— С каким — таким?

— Сексуальным, Фия. И неугомным. У него же шило в одном месте!

— И что — так его воспринимают со стороны?

— Ну конечно! Явный типаж «плохого мальчишки»! Как бы он ни старался, полностью никогда не исправится.

— Шаблонная чушь! — парировала я.

Как, впрочем, и последовавший разговор с Брамом.

— Я не знаю, смогу ли когда-нибудь тебе доверять...

— Дай мне шанс! Это больше не повторится, клянусь!

Поверить, дать шанс... В тысячу раз приятнее, чем единственная альтернатива (а у нас двое маленьких детей!). Больше он действительно не изменял — до того самого вечера прошлым летом.

Изменяла ли я ему? Очень смешно! Конечно, нет! Еще раз повторяю — двое маленьких детей! Даже если б я захотела — чего никогда не было, — откуда время-то взять? И нет, Полли не замужем.

Брам, выдержки из файла Word

Если вам еще не рассказали, то скоро узнаете: да, я совершал подобную ошибку ранее (опять же, никаких имен; встретились на корпоративной вечеринке, она вскоре уволилась). Не стану об этом распространяться: как я уже говорил, дело не в сексе. Любовь и верность — не одно и то же, что бы там женщины ни заявляли.

Почему я изменял любимой жене? Я могу сказать лишь одно: это не зависимость, не жажда — скорее память о голоде после сытых лет. Вера в то, что в одиночестве ощущения ярче, наслаждение интенсивнее, да и сам я был лучше. Этакая ностальгия эгоиста.

Не стану продолжать. Вы уже наверняка закалили глаза, показали коллеге последний отрывок и понимающе кивнули: «Ну, с ним все ясно!»

«Рассказ Фиц» > 00:24:41

Кстати, не думайте, будто я не в курсе: после того случая на работе Полли окрестила его «Брам-бам-бам».

Весьма остроумно, надо признать.

Как она зовет его после случая в домике? Не скажу — слишком неприлично.

Брам, выдержки из файла Word

Когда мальчики были маленькие, и Фия «выходила на тропу войны», мы в шутку называли ее «Вождь краснокожих». Любя, конечно, хотя со временем я начал замечать, что скальп ей хочется снять чаще всего с меня.

Глава 6

13 января 2017 г.

Лондон, 13:00

Абонент недоступен.

— Ну как? — интересуется Люси Воэн.

Надо избавиться от этой женщины с ее фальшивыми письмами и нелепыми фантазиями о покупке дома. Вызвать полицию? Или сперва найти Брамма и вместе отразить наглое вторжение? И теперь, когда Воэны заставили весь дом своей мебелью, дает ли им это права скваттеров? Считаются ли они формально жильцами?

На все эти вопросы ответа нет. Они столь же нереальны, как и образы, мелькающие перед глазами. Все это галлюцинация, бред больного сознания, не стоит ему верить.

Она снова набирает номер. И еще раз. И еще.

Абонент недоступен.

Даже голосовое сообщение не оставить.

— Да где же он?..

Люси с телефоном в руке внимательно наблюдает за ней.

— У вас, кажется, двое детей? Может, он с ними?

— Нет, они в школе.

Откуда она знает о детях, если сама Фия еще полчаса назад не подозревала о существовании какой-то Люси?

Мама! Надо попросить ее забрать мальчиков и отвезти к себе. Нельзя, чтобы они пришли сюда и увидели свои разоренные гнездышки...

Но где же вещи? Пусть эта странная женщина думает, что владеет домом (Фия про-

должает цепляться за идею розыгрыша); тем не менее вещи определено, неоспоримо отсутствуют. Кто-то вынес их из дома.

И тут до нее доходит. Даже не мысль, скорее жуткая, нарастающая волна недоброго предчувствия: если за два дня исчезла ее собственность, то...

— О боже... Только не это, пожалуйста!

Трясущимися руками Фия прокручивает список контактов.

— Что? — обеспокоенно спрашивает Люси. — Что случилось? Кому вы звоните?

— В школу. Надо... О, миссис Эмери, это Фиона Лоусон. Мой сын Гарри в третьем классе, а Лео в четвертом.

— Да-да, конечно, как поживаете, миссис... — начинает школьная секретарша, но Фия ее прерывает:

— Найдите их, пожалуйста, — это очень срочно!

— Не понимаю...

— Просто убедитесь, что они на месте! В классе, на площадке, где угодно! Это очень важно!

Миссис Эмери медлит.

— Четвертый класс, кажется, в столовой...

— Пожалуйста! — Фия уже почти кричит, и Люси инстинктивно вздрагивает. — Мне все равно где, только проверьте, чтобы они там были!

На том конце удивленное молчание.

— Подождите минутку...

Фия напрягает слух, пытаясь разобрать неясный разговор на фоне. Десять мучительных секунд, и миссис Эмери снова берет трубку.

— Сожалею, миссис Лоусон, мне сообщили, что ваших мальчиков здесь нет.

40 — Что?!

Как бешено колотится сердце... Кажется, ее сейчас стошнит.

— Их сегодня не было в школе.

— А где же они?

— У отца, насколько нам известно. Минутку, я соединю вас с директором...

Фию трясет в ознобе, сердце не попадает в ритм. Она похожа на машину, потерявшую управление.

— Миссис Лоусон? Говорит Сара Боттомли. Уверяю вас, беспокоиться не о чем. — У директора голос бодрый, авторитетный, с легкой ноткой обиды на неуместные выходки Фии. — Ваш муж попросил позволения забрать детей из школы на день, и я разрешила.

— Зачем он их забрал? — кричит Фия. — Зачем вы разрешили?

— Учеников забирают из школы по разным причинам. В данном случае вас обоих сегодня нет в Лондоне, и некому за ними прийти.

Нас обоих? Но ведь Брам должен быть дома, через две улицы от школы!

— Нет-нет, это не так. Я была в отъезде, а Брам работал из дома.

Из дома, в который продолжают вносить чужие вещи.

— Может, вы перепутали даты? — предполагает миссис Боттомли. — Я разговаривала с вашим мужем, и у меня создалось впечатление, что вы знали...

— Ничего я не знала! Ничего!

Голос срывается на жалкий вой. Люси отбирает у нее трубку, и только сейчас Фия понимает, что теряет контроль над собой.

— Алло? Я подруга миссис Лоусон. Да, конечно, мы попробуем найти отца маль-

чиков. Я уверена, это просто недоразумение, и дети в целости и сохранности. Миссис Лоусон сейчас в шоковом состоянии... Да, обязательно позвоним, как только все выяснится.

Фия тянется за телефоном, но Люси отводит руку.

— Может, лучше я позвоню вашему мужу? — мягко предлагает она.

— Нет! Это вас не касается! — рывкает Фия. — Вас тут вообще не должно быть! Отдайте телефон и уберите из моего дома!

— Вам надо присесть и сделать глубокий вдох. — Люси пододвигает ей стул с видом терпеливой медсестры. — Я приготовлю чай.

— Не хочу я никакого чая!

Фия снова пытается дозвониться до Брама — абонент недоступен — и наконец обессиленно кладет телефон. Происходит что-то ужасное, она сердцем чувствует... Неразбериха с домом, наглая мошенница Люси — все это лишь начало. Что-то случилось с Брамом и мальчиками... Что-то ужасное...

Кошмар наяву становится таким чудовищным, что даже не поддается описанию.

Женева, 14:00

Как же надоел этот номер! И отель! И город — из того, что он мельком видел и слышал. С востока мерзко загудел самолет — даже уши заложило. Сейчас посыплется битое стекло. А вдруг ему станет легче? Может, ощущение непоправимого ужаса хоть немного уменьшится, если земля содрогнется

в буквальном смысле — например, рухнет
42 самолет.

Уже не первый раз сегодня ему приходит в голову подобное. Когда самолет шел на посадку, он вдруг почувствовал совершенное безразличие: пусть заклинит шасси, пусть железное брюхо разорвется об асфальт и вывалит его из раны. Он во все не против умереть вот так. Более того, он всей душой надеялся... Отвратительно, учитывая готовность прихватить с собой две сотни пассажиров.

Разумеется, посадка была мягкой, и лишь его тело сжалось в агонии, он единственный молил богов дать судьбе обратный ход — но такого не бывает.

Мог бы и сам догадаться, что побег — та же тюрьма, только название другое.

Глава 7

«Рассказ Фиш» > 00:24:56

Это был странный период — целый месяц подвешенности в воздухе. Точнее, пять недель: конец июля и весь август. Если бы мне сейчас дали шанс, я бы переживала его снова и снова, тот мягкий переход, постепенное разрушение семьи, а тогда время тянулось бесконечно.

Нет, я не имею в виду практическую сторону вопроса. Хотя я работала в центре Лондона, до дома сорок пять минут (а когда и в два раза дольше), да и школьные каникулы добавляли сложностей, все было организовано как надо. Мама помогала, да и с соседями договаривались — по очереди сидели с детьми.

Я имею в виду — эмоционально. Для меня важно расстаться спокойно, поберечь психику и сохранить здравый смысл.

Брам жил у своей матери в Пендже, ожидая моего следующего хода. Перед детьми я старалась маскировать его отсутствие под разными предлогами.

— Уехал по делам, — говорила я. — Вернется в субботу.

Субботний визит растягивался до укладывания спать, и мальчики не знали, что папа уходит на ночь. Утром я говорила, что он рано встал и уехал на работу. Впрочем, дети были слишком заняты, кидаясь друг в друга хлопьями, и не особенно интересовались тонкостями; и тем не менее в долгосрочной перспективе такой вариант не годился.

Мы отменили семейный отдых в Португалии и остались дома. Казалось, этим летом на Элдер-Райз (наш район) десантировался весь город. Отчасти благодаря объявлениям в разделе недвижимости газеты «Стандарт» парочки толпились в приемных у риелторов, выясняя, какой урон семейному бюджету нанесет дом с одной спальней, с террасой или с четырьмя спальнями, вроде тех, что на Тринити-авеню. Предложения появляются редко, говорили агенты, хотя ходят слухи, что у Ризов из 97-го дома проводили оценку.

Было практически невозможно припарковаться в верхней части Тринити-авеню; иногда я забывала, где оставила машину.

— Это цена, которую мы платим за то, что наши дома так дорого стоят, — говорила Элисон, — и жаловаться не подобает.

(«Не подобает» — характерное словечко Элисон).

Когда распространилась новость о том, что Брам съехал, она пожаловала первой с охапкой розовых гортензий из тех, что так прекрасно засыхают. Цветы были ужасно дорогие,

в нашем районе их можно достать только у лучших флористов на главной улице.

— Ох, Фия... — вздохнула Элисон, обнимая меня. — Хочешь поговорить об этом?

— Тут не о чем разговаривать, — ответила я.

Ее глаза цвета морской волны порой слезились от смеха, приходилось постоянно промокать смазанную тушь, а вот печальный блеск я видела редко.

— Ты только скажи: нам не придется выбирать между вами?

— Нет, конечно.

— Значит, никакого изощренного плана мести? Или хотя бы самого простенького?

— Необязательно каждая история должна заканчиваться мстью.

— Да, но большинство заканчивается именно так.

Ладно, признаю: иногда я представляла, как Брам встречает себе ровню, которая растопчет его сердце самым жестоким образом (но так, чтобы не пострадало благополучие детей). Нарочно мстить — нет, такое мне в голову не приходило. Уж кто-кто, а я знала, что Брам — сам себе худший враг, с его-то склонностью к саморазрушению. Если подождать, он сам себя накажет.

— Помню, смотрела старое интервью с Джорджем Харрисоном — уже после того, как его жена ушла к Эрику Клэптону. Казалось бы, должен плевать ядом, а он сидел такой спокойный, философствовал. Сказал, что пусть лучше она будет с его другом, чем с кем попало.

Элисон задумалась.

— Да он, наверное, был под кайфом!

Я слегка фыркнула — в те невеселые времена это сходило за смех.

— Я хочу сказать, что я его отпустила. Мы отпустили друг друга. Теперь главное — вырастить мальчиков и обрести гармонию, как в той старой песне Пола Маккартни.

— Ты имеешь в виду «Эбеновое дерево и слоновая кость»? — Глаза Элисон расширились. Наверное, испугалась, что меня поменяли телами со степфордской женой* с нездоровым пристрастием к «Битлз». — Вряд ли в истории разводов было много подобных прецедентов... Хотя если кто-то и сможет, то разве что ты.

Как и мои родители, Элисон просто обожала Брама: наверное, инстинктивно чувствовала его доброе сердце, несмотря на пьянство, ложь и в целом невыносимую жизнь с ним.

— Ты остаешься здесь? — спросила она.

— Разумеется.

— Отлично. Это самое главное.

Элисон принесла три гортензии — по одной на каждого оставшегося Лоусона, хотя вряд ли она об этом думала, когда покупала. Нет, она купила их потому, что дизайнеры интерьеров всегда советуют расставлять предметы по три — правило асимметрии. То самое, из-за которого Мерль постоянно думает о третьем ребенке: ее текущий дуэт не вписывается в фэн-шуй. («Всегда есть риск третьего», — сказал как-то ее муж таким тоном, словно речь шла о третьей мировой и его границы нужно защищать ядерными ракетами).

— Кстати, чтобы ты знала, — обронила Элисон, уходя, — я бы выбрала тебя.

---

* «Степфордские жены» — фантастический триллер Айры Левина (1972 г.); также одноименные экранизации.

По-вашему, я слишком много шучу? Разве я не злилась на этого ублюдка? Конечно, злилась! Я презирала его так, как презирают только тех, кого любят, однако не могла позволить себе сдаться, ослабеть. Требовалась немалая сила, чтобы удерживать крышку над кипящим котлом гнева, и я гордилась своей стойкостью.

Поверьте на слово, измена — ничто по сравнению с домом. Вот это куда хуже, это — настоящее горе!

Брам, выдержки из файла Word

Я мало что помню из промежуточного периода. Кажется, было больно, хотя тогда я и понятия не имел, насколько черной и страшной может стать боль.

Кроме того, я жил у матери, что добавляло стресса. Помню ее вечные попытки давать советы, отсылки к христианским верованиям, устаревшие еще в моем детстве, а уж в Южном Лондоне двадцать первого века и вовсе неуместные (если не сказать бредовые). В общем, мне явно недоставало мудрости моего тезки из Ветхого завета, и я наотрез отказался обсуждать эту тему с ней или с кем бы то ни было.

Помню еще, почему-то детей совершенно не заботило мое отсутствие, даже обидно. Они спокойно принимали подарки по выходным, словно брак их родителей не потерпел крах; как будто можно набить рот чипсами и таким образом уберечь себя от любого вселенского зла.

Что касается Фии, то при виде меня она, похоже, не испытывала ни тревоги, ни злости (как я того заслуживал). Мы даже сходили однажды в парк вчетвером — дело было в августе, стояла страшная жара.

— Фисташки или соленая карамель? — спросила меня Фия у прилавка с мороженым, словно взялась любезно опекать иностранного студента по обмену.

— Выбирай сама, — предложил я, и Фия едва заметно подняла бровь: дескать, ты-то уже выбрал один раз — и выбрал неправильно.

Странное дело: ингредиенты те же самые — светлые волосы, подстриженные в ровное каре, щенячьи карие глаза с прямыми ресницами, соблазнительные изгибы, притягивающие мужские взгляды (хотя сама владелица считает их избыточными). Вроде все на месте, а вкус какой-то другой. Как будто она присыпала свою горечь сахарной пудрой, чтобы скрыть ее от меня.

Мы прогулялись по жухлой траве до детской площадки. Парк буквально кишел народом: туристы, полуголые тинейджеры в модных очках с синими линзами — на девушках смотрятся лучше, чем на парнях (или я просто замечаю одних девушек). Даже на качели собралась очередь.

— Откуда они повылезали? — удивился я.

Всего-то месяц, как съехал, а тут такие перемены!

— Элисон считает, это плата за то, что наши дома поднялись в цене, — ответила Фия таким тоном, словно владеть собственностью в несколько миллионов — тягостная жертва с ее стороны.

А как же я?.. Живу в Пендже с религиозной фанатичкой, сплю на надувном матрасе, упираясь головой в батарею! До этого момента я старался не давить на Фию и ничего не требовать, однако страх за будущее выплеснулся сам собой:

— Кстати говоря, пора определяться, что делать с домом — я не могу вечно жить у матери! Если мы действительно расходимся, надо решать, как будем делить имущество.

Наконец-то в ее глазах появились эмоции: неподдельная тревога.

Я продолжал двигаться на ощупь: хотелось сделать ей больно, и в то же время — чтобы она приняла меня обратно и дала шанс больше никогда не причинять ей боль.

— Ты уже звонила адвокату? А риелтору? Или ждешь, что я позвоню?

— Нет.

Фия забрала у мальчиков недоеденное мороженое и подтолкнула в сторону освободившихся качелей.

— Фия... — начал было я.

Она протестующе выставила перед собой каплющий рожок.

— Хватит, не надо.

— Но сколько можно?..

— Дай мне еще неделю, и я подготовлю план дальнейших действий.

«План дальнейших действий» — выражается как менеджер проекта. Определить конечный результат, назначить исполнителей и обсудить временные рамки.

— Ладно.

— И... Брам?

— Да?

— Мы действительно расходимся, я просто не хочу ничего решать впопыхах. Главное — чтобы им было хорошо.

Фия отвернулась и стала пристально, не мигая, смотреть на мальчиков, словно гипнотизировала их взглядом.

Не сразу до меня дошло, что она просто не может меня видеть.

Помню, вернувшись к матери, я подумал: вот так, должно быть, чувствует себя приговоренный, ожидая новостей о помиловании.

Приговоренный? Тогда я еще не понимал, какая это была восхитительная свобода...

«Рассказ Фии» > 00:28:49

Извините, погорячилась. Сами понимаете, время такое, нервное...

Что же было дальше? Брам заговорил о разделе имущества, и это наконец сподвигло меня на действия. Мы гуляли в парке (изображали перед детьми счастливую семью), и когда он спросил, что будем делать с домом, я испытала шок, хотя, казалось бы, все логично. В тот вечер я подошла к окну и какое-то время стояла, глядя на магнолию, вечный источник утешения. В этом году она зацвела рано, и у нас дух захватывало от красоты; прохожие фотографировали на мобильники, а мальчишки залезали на нижние ветки и гладили цветы — нежно, как новорожденного хомячка, чтобы ни один лепесток не упал.

Нигде больше я не смогу ощутить эту красоту, эту безмятежность. Все знают, что вопрос
50   недвижимости обостряет бракоразводный

процесс и что в Лондоне и пригородах невозможно продать большой дом и купить взамен два маленьких. На работе платили более-менее прилично, и все же без интересных предложений от нефтяного концерна мне ни за что не выкупить у Брама свою долю.

Я представляла — точнее, пыталась представить, — как будущей весной драгоценные розовые лепестки раскроются для кого-то другого. Нет, невозможно представить. Это разорвет мне сердце больше, чем изменяющий супруг.

Табличка «Продается» у ворот? Только через мой труп.

#жертвафия

@SharonBrodie50 Странная какая-то тетка...

И чего люди так трясутся над своими домами?

@RogerMason @SharonBrodie50 Деньги.

По крайней мере, она не притворяется.

Глава 8

«Рассказ Фиш» > 00:30:10

Да, условия опекунства играют в деле важную роль: благодаря им Брам получил доступ одновременно и к дому, и к бумагам, необходимым для продажи; причем не только к общим документам совладельцев дома, но и к моим личным документам. Нет, мне не приходило в голову хранить их отдельно после расставания. Теперь-то, конечно, всем женщинам посоветую: в первую очередь примотайте к себе паспорт скотчем и так ходите, даже на ночь не снимайте!

Горькая ирония состоит в том, что именно я придумала решение, в теории позволяющее мне сохранить дом. Такая программа опекуинства называется «птичье гнездо»; как и все хорошие идеи, она меня сразу зацепила. Сперва я прочла об этом в «Гардиан», а потом на родительских сайтах. Программа изначально зародилась в Штатах, давно миновала экспериментальную стадию и набирает популярность. Схема такая: дети остаются в семейном доме, а два родителя живут с ними по очереди. В свободное время взрослые уходят каждый в свое жилье или в случае скромного бюджета (как у нас) снимают. Некоторые пары умудряются обойтись и вовсе без жилья: ночуют у своих родителей или на диване у друзей.

Браму предложение показалось не то чтобы оливковой ветвью, а целой оливковой рощей, залитой солнцем Италии.

— Почему? — спрашивал он, не смея верить в мою искренность. — За что мне все это?

— Не тебе, а мальчикам. Не хочу, чтобы они потеряли свой дом. Ты предал меня, — добавила я прямо, — но не их.

Разумеется, в интернете далеко не все разделяют такую точку зрения. Многие женщины считают: предал мать своих детей — значит, предал и детей; только я с ними не согласна. Муж, отец — эти роли взаимосвязаны, и все-таки они разные. «Может, я плохой муж, но не отец», — сказал Брам, и это правда. Как я уже говорила, он замечательный отец, даже другие родители это признавали. Дети всегда тянулись к нему: он строил всевозмож-

ные берлоги, домики на деревьях, придумывал разные игры; однажды собрал детей со

всей улицы, чтобы те помогли ему свалить мертвое дерево, пока их папаша залегали на диване с телевизором, стараясь не высовываться.

— Для детей нет лучшего варианта, — убеждала нас консультант по программе.

Кроме счастливого брака, подумала я.

Консультанта звали Роуэн; она вежливо и до тошно объясняла нам тонкости нового положения дел.

— Программа предлагает именно то, что ожидается от настоящего птичьего гнезда: сила, безопасность, непрерывность для «птенцов». Даже с самыми лучшими намерениями вы не убережете детей от стресса, когда им приходится переезжать из дома в дом, особенно в отдаленных районах. Данная схема полностью исключает этот негативный фактор. Если повезет, дети почти не заметят разницы.

Роуэн подробно объяснила нам все «колесики и винтики» программы или, как она шутила, — «веточки и перышки». Назначается испытательный период, на время которого я получаю будни, а Брам — выходные. Смена караула происходит в пятницу в семь вечера и в воскресенье в полдень — таким образом каждый родитель получает возможность провести выходные с детьми. Кроме того, по средам Брам будет приезжать и укладывать их спать.

— Лучше всего договориться о отдельных спальнях, — посоветовала Роуэн, — так легче обозначить границы.

Я уже подумала об этом; слава богу, размер и планировка дома позволяли. Никаких дополнительных расходов, и мальчиков не надо дергать.

— Да, нам такой вариант вполне подходит. У нас четыре спальни, так что пустим в ход запасную. К тому же внизу есть кабинет.

— Вам очень повезло, — заметила Роуэн. — Некоторые вынуждены делить одну спальню. Не представляете, сколько приходится утрясать разных вопросов, вроде «кто меняет постельное белье».

— Бери себе нашу спальню, — предложил Брам, — раз уж ты будешь больше времени проводить с детьми.

«Нашу спальню». Одно дело — договориться о том, кто где спит, другое — перейти на язык новой жизни.

— Хитрость в том, чтобы рассматривать оба жилья как свои, — объясняла Роуэн. — Основной дом и дополнительный. Никто ни на что не претендует, вы оба — совладельцы и соарендаторы. И в первую очередь — родители. Равные.

Она показала нам рекомендуемое приложение для смартфона.

— Будете вести общий дневник: кто остается дома, кто в квартире, кто уезжает, кто забирает детей из школы. Спортивные секции, дни рождения, походы к друзьям — все можно отмечать разными цветами.

Что касается финансовых договоренностей, тут ничего особенно не изменилось. Мы с Брамом зарабатывали примерно одинаково и вносили равную сумму на общий счет, с которого платили за ипотеку, за коммунальные услуги и за все, что тратили на детей. Теперь эту цифру придется увеличить на сумму арендной платы за съемное жилье — студию или комнату. Поэтому я

54 предложила временно приостановить бра-

коразводный процесс, чтобы не тратиться на адвокатов.

— Логично, — отозвался Брам, и в его тоне слышался неприкрытый оптимизм.

— Надеюсь, ты понимаешь, что мы расстались окончательно? — уточнила я, стараясь воздерживаться от резкости. — Развод неизбежен, просто не сейчас. С моей стороны назад хода нет.

— Да, конечно.

Роуэн внимательно наблюдала за нами, сдержанная и сосредоточенная.

— В некоторых случаях предпочтительно раздельное проживание. Выбранный вами вариант неизбежно привнесет момент вторжения в частное пространство: очень сложно каждый раз подчищать все следы своего пребывания перед сдачей жилья другому. Вы уверены, что оба этого хотите? Фиона?

Я вдохнула так глубоко, что легкие заполнились до отказа, потом представила лица мальчиков, их лоусоновские кудрявые головки и кивнула.

Брам тоже согласился — с нехарактерной для него искренностью.

— Я готов, — сказал он, и его смущенная улыбка вдруг напомнила мне начало наших отношений.

#жертвафия

@LydiaHilluk Странная идея. «Птичье гнездо» какое-то... Как у хиппи.

@DYeagernews @LydiaHilluk Наоборот, взрослые, цивилизованные отношения. По идее, должно работать.

@LydiaHilluk @DYeagernews Ну и что, сработало?

Брам, выдержки из файла Word

Помните строчку из песни: «Она такое ночью предложила, что и Калигула бы покраснел»? Так вот, от предложения Фии покраснел бы и святой. Нет, серьезно. Чуть ли не каждый день в газетах писали о разведенных отцах, которые вынуждены снимать жилье бог знает где, в каком-нибудь убогом месте — и ни единого шанса взять новую ипотеку, пока старая не выплачена. И вот Фия избавила меня от этого, избавила от ада, в который имела полное право низвергнуть. Вместо того чтобы выгнать на мороз, она меня заново ввела в семью; вместо того чтобы обобрать до нитки, оставила наши текущие финансовые договоренности без изменений.

По сути, Фия просто делала то, чем родители вечно хвалятся, однако никогда не выполняют до конца: ставила детей превыше всего.

Мы подписали соглашение — необязывающее, но важное для нее. Разумеется, не обошлось без нравучений (это же Фия!).

У консультанта был низкий, вкрадчивый голос, чуть ли не с нотками соблазна.

— Есть ли у вас какие-либо пункты, не подлежащие обсуждению? Категорическое «нет»? — спросила она.

— В дом никого не приводить, — тут же отозвалась Фия. — Только в квартиру. И без превышений скорости, когда в машине дети. У него и так полно штрафов. И никакой выпивки при мальчиках!

— Я у тебя какой-то монстр получился! — пошутил я.

Насчет езды, может, и справедливо, а что

56   касается выпивки, у нее просто напитки

красивее, вот и вся разница. Фия любит мятно-зеленый «мохито» и рубиново-красный «кир-рояль», покупает джин, какие-то странные настойки на ревене, чернике, рождественских специях. Женщины с Тринити-авеню всегда обожали джин.

И до сих пор, наверное, обожают.

— А вы, Брам? У вас есть какие-то условия?

— Никаких. Я согласен со всем, что захочет Фия.

И я говорил совершенно искренне.

— Редкая она женщина, — сказала мать, когда я поделился новостями.

Мама всегда немножко стеснялась Фии и ее семьи, с их привычками среднего класса: благодарственными записочками, регулярными походами в театр, поездками в Дордонь. Ну, или могла бы стесняться, если бы Фия не была к ней так добра и внимательна. И тем не менее мать всегда считала, что я сделал хороший выбор. Женился «на повышение» — и развожусь также.

— Смотри, не подведи хоть на этот раз, — предостерегала она, и в ее взгляде читалась снисходительность пополам с неодобрением. — Второго шанса может и не быть.

Тогда казалось, Господь надо мной сжалился.

«Рассказ Фии» > 00:36:18

Мы назначили начало новой программы на пятницу, второе сентября, — последние выходные перед началом учебного года. Время поджимало, следовало поскорее найти «другое жилье» (именно так, в кавычках, — мысленно я не считала его своим).

Впрочем, тут нам повезло. Брам никогда не сжигал мосты — по крайней мере там, где речь шла о собутыльниках. Он до сих пор пропускал пинту-другую с риелтором, который продал нам дом на Тринити-авеню, — и тот выдал нам координаты квартиры-студии в западной части Элдер-Райз, в десяти минутах ходьбы от нашего дома, через парк. Купленная для сдачи, квартира переходила из рук в руки; судя по всему, съемщики в ней надолго не задерживались — слишком маленькая площадь для постоянного проживания.

Снаружи здание, выстроенное в стиле ар-деко на центральной улице, смотрелось стильно: гладкое, белое, со стальными рамами и изогнутыми террасами. Агенты называли его «Бэби-деко» (в нашем районе даже архитектура не избежала семейных метафор).

Брам взял на себя всю организацию: обсудил арендную плату, проверил и подписал контракт, съездил в «ИКЕЮ» за кухонными приборами.

На совместном просмотре я улучила момент и напомнила ему об условиях.

— Здесь можешь делать что угодно, а дома воздержись.

— Понял, — ответил Брам. — Тогда и марихуану буду прямо тут выращивать, ладно?

— Очень смешно! — Я поймала его взгляд. — И я серьезно насчет превышения скорости — хватит уже сюрпризов!

Мне показалось или в его глазах мелькнула хитрая искорка? Сложно сказать, даже на мой опытный взгляд; и все же что-то заставило меня повторить.

— Я серьезно, Брам, — больше никаких тайн!

— Никаких, — кивнул он.

Надо было это записать. Нет, занести отдельным пунктом в соглашение и заставить расписаться. А еще установить в нашем приложении напоминание (ежедневное): никаких тайн.

И да — несмотря на произошедшее, я до сих пор считаю, что идея «птичьего гнезда» — отличный вариант (для тех, кого не угораздило связаться с преступником).

Брам, выдержки из файла Word

Иногда я мучаю себя фантазиями о том, как могла бы сработать идея «птичьего гнезда», если бы только я сохранил в тайне прошлые грехи и избежал будущих. (Если бы!) Я думаю, все бы получилось, серьезно. С позиции разделения времени и усилий программа позволяла играть на наших сильных сторонах: я брал на себя свободу выходных, необходимость выпустить пар (мамочки с Тринити-авеню любили приговаривать, что мальчикам нужно столько же физической активности, сколько лабрадору-ретриверу), а Фия контролировала школьные дела, стирку, питательную и сбалансированную диету... Ну ладно, бóльшую часть рутины.

Нет, я вовсе не утверждаю, что Фия не умеет веселиться. Пожалуй, она единственная, кто способен гасить соревновательную горячку, напоминать детям, что они могут быть командой. Лео с Гарри постоянно спорили, особенно играя в викторину, где нужно угадывать столицы; и когда дело чуть не доходило до драки, Фия отпускала какую-нибудь несмешную шутку. Например: «Кто

живет в Непале? Только не пальцы!» И мальчики снисходительно переглядывались: «Ну ма-ам!»

(Наверняка заранее искала шутки в интернете).

Мне больно думать о том, как Фия будет горько сожалеть об этом раскладе — а ведь она сама дала мне карты в руки! Если бы не разработала слаженную схему, если бы не продолжала доверять мне, как человеку семейному, как совладельцу дома...

Даже если она больше не доверяла мне как мужу.

Глава 9

«Рассказ Фици» > 00:38:35

Трудно сказать, когда возникли первые «звоночки», в тот момент я не обратила на них внимания. Вождение являлось проблемой еще до развода, это я точно знаю.

Кажется, в апреле или в мае я нашла штрафы за превышение скорости. Может, я просто фантазирую, но сейчас вспоминается какое-то странное ощущение, возникшее тогда: как будто Брам скрывает от меня больше, чем делится. Наверное, поэтому я упомянула о штрафах на встрече с консультантом.

— Брам, что это? — Я протянула письма, найденные среди страниц руководства к кофеварке, которая внезапно сломалась: два уведомления о начислении трех штрафных баллов. У нас давно возникли разногласия по этому поводу, хотя

раньше ему все сходило с рук. Не то чтобы
60 Брам откровенно плевал на правила — ско-

рее ему доставляло особую радость их нарушать. — Шесть баллов? Ты же ходил на курсы — их должны были списать.

— Ну ходил... — настороженно отозвался Брам.

— Так за что же тебе начислили баллы?

— Это другие. Курсы пошли в зачет первого.

Я нахмурилась, пытаюсь осознать ситуацию.

— Значит, всего было три штрафа?

— Ага. Нельзя посещать курсы чаще, чем раз в три года.

Невелика беда, если он и в первый раз ничему не научился.

— А где оригиналы штрафов? В кабинете?

— Зачем тебе?

— Просто интересно посмотреть детали.

Брам преградил мне путь к шкафу.

— Я принесу.

С величайшей неохотой он показал постановления: одно от полиции Суррея, второе — из городской. Суррейский инцидент, очевидно, случился в рабочей командировке: превышение на девять миль, примерно такое же, как полтора года назад, когда Брам «опаздывал, не смотрел на спидометр». Лондонский настораживал больше: сорок три мили в час в зоне с ограничением двадцать миль между Кристал-Палас и Элдер-Райз. Судя по ограничению, это был явно жилой массив по типу Тринити-авеню, а сорок три мили — достаточная скорость, чтобы сбить пешехода. Например, ребенка вроде наших мальчиков.

Тут я обратила внимание на даты: полтора года и девять месяцев назад.

— А почему я только сейчас об этом узнаю?

Глупый вопрос: потому что только сейчас на них наткнулась. Видимо, надеялся, что все убрал с глаз долой.

— Двенадцать баллов — и у тебя отберут лицензию. Значит, еще два штрафа...

— Я сам прекрасно знаю, — раздраженно перебил Брам. — Ладно тебе! Миллионы людей ездят со штрафами — вон, даже наши соседи! Думаешь, с чего вдруг стали ловить столько нарушителей? Да просто денег хотят больше захватить!

— Или спасти людям жизнь. Ты уже уведомил страховую?

— Конечно, уведомил! Не заморачивайся ерундой.

Для него это, видите ли, ерунда!

— А в тот, последний раз дети были с тобой?

— Нет, я ехал один! — Оскорбленный в лучших чувствах, Брам быстро перешел от защиты к нападению. — Что, разочарована, да? Упустила шанс?

— Не переводит разговор на меня!

Уже тогда я понимала, что эта перепалка — прекрасная иллюстрация проблем в нашем браке. Не его промашки как таковые — сами знаете, они бледнеют в сравнении с тем, что последовало, — а скорее роль, которую он мне с готовностью навязывал: коп, училка, зануда, брызга...

Жертва.

— Пожалуй, лучше я буду водить машину, чтобы у тебя было меньше шансов получить штраф.

О боже, теперь я разговариваю как надзиратель...

— Сделай одолжение! — надулся Брам.

Позже, когда я заглянула в шкаф, я обнаружила, что ящик, помеченный ярлыком «Ма-

шина», пуст.